

Елена Федина

Малый лев
Преддверие II

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84
Е50

Елена Федина
Е50 Малый лев: Преддверие II / Елена Федина – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 352 с.

ISBN 978-5-6056384-6-9

Цикл про золотых львов из созвездия Малый Лев предваряют отдельные истории, случившиеся на Земле, где ещё остались потомки вымершей расы белых тигров. В этой книге представлены две женские судьбы, два откровенных рассказа о преображении двух таких разных женщин.

Скромная, незаметная девушка находит в себе силы противостоять жестокой реальности, помочь недостижимому для неё возлюбленному и своей стране, вернуть то, что было у неё отнято, и даже простить своих врагов.

Вторая героиня — безжалостная столетняя старуха, хранительница ценностей древнего замка. Её настигает и преобразует неожиданная любовь к легкомысленному юноше, который не так прост, как кажется. Им есть чем удивить друг друга, но интересы их неумолимо сталкиваются возле запретной двери бывшей библиотеки. А что за этой дверью, не знает никто.

ISBN 978-5-6056384-6-9

© Lennex Corp, 2026
© Елена Федина, 2026

Елена Федина

МАЛЫЙ ЛЕВ

Преддверие. II

Москва

Интернациональный Союз писателей

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф32

Продюсер проекта Елена Наливина

Федина, Елена

Ф32 Малый лев. Преддверие. II / Е. Федина. Москва: Интернациональный Союз писателей, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-6056384-6-9

Цикл про золотых львов из созвездия Малый Лев предваряют отдельные истории, случившиеся на Земле, где ещё остались потомки вымершей расы белых тигров. В этой книге представлены две женские судьбы, два откровенных рассказа о преображении двух таких разных женщин.

Скромная, незаметная девушка находит в себе силы противостоять жестокой реальности, помочь недостижаемому для неё возлюбленному и своей стране, вернуть то, что было у неё отнято, и даже простить своих врагов.

Вторая героиня — безжалостная столетняя старуха, хранительница ценностей древнего замка. Её настигает и преображает неожиданная любовь к легкомысленному юноше, который не так прост, как кажется. Им есть чем удивить друг друга, но интересы их неумолимо сталкиваются возле запретной двери бывшей библиотеки. А что за этой дверью, не знает никто.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6056384-6-9

© Елена Федина, 2026
© Интернациональный Союз писателей, 2026

Королева воскресла!

Королева умерла. И я была единственной, кто её искренне оплакивал. Её несчастное тело ещё не было перенесено в фамильный склеп на кладбище, а весь двор уже веселился. Фрейлины вплетали пёстрые ленты в пышные причёски и украшали чёрные платья бантами и булавками, музыканты играли вместо реквиема что-то чуть ли не плясовое, а сам наследный принц со своей свитой стрелял во дворе из арбалета по пустым бутылкам, выставленным в ряд на заборе. Звон разбитого стекла раздражал меня даже больше, чем весёлая музыка.

Я тихо сидела возле гроба. Лицо у королевы было бледное и измученное, губы искусаны, брови страдальчески надломлены, она и представить не могла, что её смерть всех только обрадует!

Старый карлик Корби зашёл в траурную залу, осторожно прикрыл за собой дверь и, убедившись, что, кроме меня, здесь никого нет, тихо сказал:

— Уходи, Жанет.

— Почему? — спросила я равнодушно.

— Беги отсюда подальше, если хочешь остаться в живых.

Он был очень серьёзен, этот вечно весёлый, забавный человек. Я кормила его манной кашей и протёртой морковью, потому что у него болел желудок; я готовила только для больной королевы, но и его мне было жаль. Наверное, за это он меня и любил.

— Господи! — вздохнула я. — Кому до меня есть дело? Можно подумать, что я знаю какую-то страшную тайну! Я слишком ничтожна, Корби, чего же мне опасаться?

— Тебе лучше знать, Жанет, за что тебя ненавидят.

— Кто?!

Он молча отошёл и спрятался за ночной шторой. Только потом я услышала шаги. Вошло сразу человек десять: старый герцог Тиманский со своими детьми и племянниками — самое знатное семейство в Лесовии после королевского, да и самое могучее, пожалуй. Вошли они бесцеремонно и шумно, траур их был весьма символичен, костюмы больше напоминали дорожные, чем похоронные.

Прибыли! Все разом: кто прямо из Тимана, кто из своих более близких владений. Вошли как хозяева, а наследный принц в это время стрелял по бутылкам. В раскрытые окна врвался звон осколков и пьяный хохот. Бог покинул этот замок, и, похоже, навсегда!

Я встала и почтительно согнулась в поклоне, но меня никто и не заметил. Они окружили гроб.

— Мертва, — заключил старый герцог, как будто у него были причины в этом сомневаться.

— Царствие ей небесное! — как-то на удивление скорбно сказала его дочь Юлиана Тиманская и надолго склонилась над гробом.

Я привыкла думать, что в этой девушке нет ничего человеческого, только безумная красота и надменность. Но что-то дрогнуло в её душе, когда она увидела тело моей несчастной королевы. Все её братья и кузены терпеливо молча ждали, когда ей это надоест.

Я жадно, с восхищением и тоской вглядывалась в неё, как голодный оборванец смотрит на кусок праздничного пирога.

Я слишком редко её видела, да и то мельком, из-за портьеры или в щёлку двери; я была любопытна, как все служанки, и так же, как все, не могла на неё насмотреться.

Юлиана выпрямилась.

— Убить бы этих церемониймейстеров, — презрительно усмехнулась она. — Что за платье они на неё надели! И какой кретин её причёсывал?

Замечание было настолько неожиданным и странным, что все удивлённо повернулись к ней. Юлиана указала рукой на гроб.

— Она была самой красивой женщиной в Лесовии. Она никогда бы не позволила надеть на себя такое мерзкое платье. Впрочем... всё равно она прекрасна, разве нет?

Они всегда были соперницами: уже немолодая, отцветающая королева Мария-Виктория и она, прекрасная дочь герцога Тиманского. Теперь у неё не было больше соперницы, и она решила проявить великодушие.

— Самой красивой женщиной Лесовии, да и не только Лесовии, всегда была ты, — хмуро сказал её кузен Якоб, и она взглянула на него после этих слов так, как будто возненавидела на всю жизнь.

— Отец! — повернулась она к старому герцогу. — Её надо похоронить как полагается. Скажи этому... О господи, ну и семейка! Какой кошмар!

Она имела в виду, конечно, принца Антуана. Она была в тихом гневе. Я осторожно пятилась, но очередь дошла и до меня.

— А ты что тут делаешь? — спросила герцогиня грозно.

— Просто сижу, госпожа.

— Как ты смеешь тут находиться одна?! Твоё место на кухне!

— Моё место возле королевы.

— Что?! Ты ещё и споришь?! Убирайся во флигель для прислуги, и чтобы духу твоего во дворце не было!

Колени мои подогнулись. Я выскочила из траурной залы, как из горящего сарая.

На кухне, среди знакомых котлов и сковородок, я немного успокоилась. Было шумно,людно и дымно: готовились грандиозные поминки. Ступить было некуда: даже в моём маленьком закутке, где я варила каши; поварята, усевшись на столе, взбивали крем.

Моя подруга Лили, вся мокрая от пота и пара, разделявала большую рыбину. Она вытерла лоб рукавом и посмотрела на меня с завистью: я не подчинялась главному повару, я подчинялась только моей королеве и могла теперь слоняться по дворцу, всеми забытая и никому не нужная.

Сняв с табуретки кастрюлю с очищенной свёклой, я села рядом с подругой. Мне казалось, что я устала больше, чем она, будто на мне весь день возили воду.

— Тиманские приехали...

— Да? И герцогиня Юлиана?

— Ага...

— Хоть бы одним глазком на неё посмотреть!

— Она в чёрном платье. Зашнурована до самого подбородка. Волосы бронзовые, вот такими локонами...

— А глаза?

— Злые!

— Ты что? Не может быть. Говорят, она такая добрая!

— Это королева была добрая. Она одна. Больше таких не будет.

Лили отложила рыбину и наклонилась ко мне:

— Побойся Бога, Жанет! Ты живёшь как во сне и ничего не видишь! Да тебе каждая собака скажет, что такой жестокой и развратной бабы, как твоя королева, во всём мире не сыскать!.. Царствие ей небесное... Ну что ты так смотришь? Спроси любого. А то, что с тобой она была ласкова, так, наверное, были причины.

— Какие причины, ты о чём?

Лили не ответила и снова взялась за рыбу.

— Конечно! — продолжала она ворчливо, как торговка на площади. — Поняла, что жить осталось недолго, так про Бога

вспомнила! В церковь зачастила! Ходит глазки потупив! Просто ангел во плоти... Но Бог эту стерву всё равно не простит!

— Лили!

— Да вот хоть розы! Скажи, какого дьявола она приказала выкорчевать все розы? Посмотри, что стало с парком! Да что там с парком! Посмотри, что стало с Лесовией! Ну да ничего, новый король наведёт в стране порядок.

— Ты так говоришь, Лили, потому что королева умерла, — сказала я с отчаянием, — а принц Антуан жив. Хотя всем понятно, что никакого порядка этот балбес не наведёт. Мёртвых хулить неопасно, они не воскреснут!

— Замолчи, — почти шёпотом проговорила Лили, — замолчи, Жанет. Все знают, что ты блаженная, но даже тебе такие вещи говорить не стоит. И вообще, лучше бы тебе отсюда убраться подальше.

— Почему? — насторожилась я. Второй раз сегодня меня предупреждали об одном и том же.

— Ты меня спрашиваешь? — искренне удивилась Лили.

— А кого мне ещё спрашивать?

— Тогда, голубушка, сначала ответь: за что тебя так любила королева?

— Она меня не любила, она просто пожалела меня.

— Кто? Мария-Виктория? Пожалела? — Лили выразительно усмехнулась; она не допускала даже мысли, что королева могла кого-то пожалеть, — она ни за что бы мне не поверила.

— Да, она была очень одинока и несчастна, — сказала я, понимая всю безнадёжность этих слов: никто, решительно никто не любил мою несчастную королеву, — она была одинока... и я тоже.

— И что?

— И ничего. Я готовила ей диетические блюда, сама пробовала, чтобы не отравили, убирала в её кабинете и в спальне. Она со мной почти не разговаривала. Я была для неё никто, просто служанка.

— И поэтому она приставила к тебе охрану и велела не спускать с тебя глаз?

— Какую охрану?! Да за мной сроду никто не следил!

— Жанет, наивная ты наша! Об этом знают все, кроме тебя.

— Она боялась, что я убегу?

— Она боялась, что тебя убьют.

— Бред какой-то, — пролепетала я.

— Послушай, — Лили наклонилась к самому моему уху, — я, конечно, мало что понимаю в ваших делах, но одно мне совершенно ясно: защищать тебя больше никому.

Всё перемешалось у меня в голове. Мой маленький личный опыт совершенно не соответствовал тому, что говорили все вокруг. До этого дня я твёрдо знала, что королева красива и добра, герцогиня Юлиана жестока и своенравна, а я, кухарка Жанет, дочь прачки, настолько ничтожна, что меня даже стражники на дворцовых воротах не замечают, если я выношу своей младшей сестре корзину с едой. Когда я в первый раз мимо них прошмыгнула, они даже голов не подняли и продолжали играть в кости, я удивилась, обрадовалась и приписала это своему ничтожеству: такая я маленькая, незаметная, некрасивая, что на меня даже смотреть не хочется! А у них... а у них просто был приказ?!

— Послушай, Лили, но я ведь абсолютно ни в чём не замешана!

— А ты подумай хорошенько.

Думать я ни о чём уже не могла, голова моя была сжата тисками, сердце стучало глухо и болезненно, хотелось взять его рукой и унять. Я чувствовала себя беспомощной и глубоко несчастной, мне было тревожно и даже страшно и хотелось уткнуться лицом в колени доброму святому Робину и разрыдаться.

— Хочешь морковку? — спросила Лили, вытирая руки фартуком.

Я замотала головой и молча поплелась к выходу. В окна галереи, по которой я уныло брела, долетал звон разбитого стекла, и мне казалось, что он будет преследовать меня всю жизнь.

Хотелось зажать руками уши и бежать, бежать, бежать! Но, наконец, чтобы испытать чашу страданий до конца, я подошла к перилам и посмотрела во двор.

Щека моя вжалась в шершавую каменную опору, колени подогнулись, а из груди вырвался стон облегчения: приехал Зарих! Прекрасный, весёлый, добрый Зарих! Никогда не унывающий Зарих!

— Приехал, приехал... — повторяла я с надеждой, как будто его приезд мог что-то исправить.

Он бодро сидел на своём сером коне, ветер трепал его русые кудри, а дорожная шапка с торчащей из неё стрелой лежала чуть поодаль на траве. Её сбил, очевидно, принц Антуан, который теперь стоял подбоченьясь и довольно хохотал. К таким его шуткам все уже привыкли. Кроме меня.

Зарих на эту наглость не ответил, как, впрочем, не ответил бы никто, разве что герцог Тиманский; он спрыгнул с коня и пошёл своей дорогой. Я знала куда. В траурную залу.

Когда я заглянула в приоткрытую дверь, он стоял над гробом матери, непривычно ссутулившись, и подавленно молчал.

Я осмелилась войти.

— А, поварёшка... — сказал он, даже не поворачиваясь.

Колени мои снова подогнулись. Зарих усмехнулся.

— Весело у вас тут!

— Вы же знаете принца...

— Тиманские здесь?

— Только что приехали.

Голос мой дрожал. Я слишком долго, целый месяц, его не видела, чтобы не трепетать как осиновый листочек от мучительного счастья видеть его и говорить с ним. Я не стоила его подмётки!

Я была несчастней всех несчастных, потому что не могла бы ему послужить даже в качестве забавы — такое иногда случалось с бедными служанками. Я была обречена, стиснув зубы, провожать его взглядом и по ночам кусать от обиды подушку! Потому что я была некрасива! Некрасива! Я была не-кра-си-ва!

Маленький, рыжий, пучеглазый лягушонок с кривыми ножками, сутулой спиной, рахитично вздутым животом и большими оттопыренными ушами, которые не могла скрыть ни одна причёска! О господи, как я ненавидела свои уши!

— Воды.

— Что?

— Воды принеси.

Я метнулась к графику на столе, от волнения наступила на собственный подол, упала на пол, нелепо размахивая руками, а подняться уже не смогла — я просто разревелась от презрения к себе, от собственного бессилия и всех тех ужасов, которые пережила за последние три дня.

Королева умирала долго и мучительно, последние дни она почти не приходила в сознание, а когда приходила, всё равно продолжала бредить наяву. То она, как маленький ребёнок, повторяла: «Не хочу, не хочу...», то кусала губы, то молча плакала. Уже незадолго до смерти, когда я поправляла ей подушки, она взяла меня за руку и заставила сесть рядом с собой на кровать. Её красивое лицо было ужасно бледным, губы посинели, глаза ввалились и потухли, как предзвездные звёзды, но всё равно она была красивой, всё равно!

— Ты прости меня... слышишь?

— За что, ваше величество?

— Ты же знаешь, я не хотела...

Она меня с кем-то путала. Я беспомощно оглянулась на придворного лекаря, господина Ромьо, который дежурил у её постели неотлучно; он только развёл руками: ничего уже нельзя было поделать.

— Я не хотела...

